

СИТНОВА Ирина Валерьевна — к.соц.н., доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций Московского государственного строительного университета (129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26; sitnova.irina@gmail.com)

НАСЛЕДИЕ ФАШИЗМА: ЗАПАДНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XX в.

Аннотация. В статье анализируются послевоенные взгляды К. Юнга, З. Фрейда, В. Райха, Э. Фромма, С. Милграма на фашизм как на психологический феномен. Психологи характеризуют фашизм как «вспышку коллективного бессознательного», как результат «коллективного безумия», в основе которого лежат экономические, социальные и геополитические причины.

Ключевые слова: массовый психоз, коллективное бессознательное

Геополитические причины, связанные с распадом Советского Союза, а также с внутренними и внешними процессами либерализации экономики и социальной сферы в России, запустили механизмы искажения исторических смыслов, позволили включиться механизмам фальсификации прошлого и изменения основополагающих ценностей российского общества. Сейчас уже можно констатировать, что история начала переписываться. Современный исторический реваншизм, выразившийся в пересмотре результатов Великой Отечественной войны, есть не что иное, как шаг к реабилитации фашизма¹. Намеренно принижается роль Советского Союза в победе во Второй мировой войне, изменяется баланс разделения ответственности. Ценностям добра и человечности снова брошен небывалый вызов. Новый взгляд на фашизм поставил перед всем цивилизованным миром огромную и страшную проблему, заслуживающую рассмотрения с самых разных точек зрения. Психологический аспект — лишь одна из многих ее составляющих, но одна из самых важных.

В связи с этим автор статьи предлагает обратиться к аналитическим оценкам статей о фашизме таких социальных психологов XX в., как К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, С. Милграм, которые были опубликованы сразу после Второй мировой войны.

По мнению Юнга, в Германии национализм в середине XX в. стал «национал-созидательной» силой. Эту особенность немцев Юнг объясняет молодостью немецкой нации. «Энтузиазм немцев по перестройке немецкого общества на рубеже XX века остается непонятным для остальных западноевропейцев; для них эта проблема просто не актуальна, поскольку они [западноевропейцы] достигли национального единства столетиями раньше и в других формах», — пишет К. Юнг [Одайник 1996: 328].

Немцы слишком поздно появились в Дунайской долине и положили начало своей нации много позднее Британии и Франции, уже процветающим на своем пути к национальным государствам. Они (немцы) слишком запоздали с захватом колоний и основанием империи. Когда они сплотились и объединились в нацию, то, оглядевшись вокруг, обнаружили Британию, Францию и другие страны во всеоружии взрослых наций, богатых колониями, и тогда сделались обиженными и завистливыми, подобно младшему брату, чьи старшие братья захватили львиную долю наследства [Одайник 1996: 350]. Проявился типично немецкий комплекс неполноценности — комплекс младшего брата, который всегда немного запаздывал на пир [Одайник 1996: 347].

Новый поворот событий в Германии возглавило младшее поколение. Уверенность

¹ Слово «фашизм», ит. *fascismo* (от латин. *fascis* — пучок прутьев, который в Древнем Риме служил символом власти) — это форма открытой буржуазной диктатуры в некоторых капиталистических странах, которая возникла в Италии после Первой мировой войны в обстановке общего кризиса капитализма как крайне реакционное политическое движение — задержавшийся в развитии феодализм... Обычно фашизм ассоциируют с национал-социалистической партией Германии (НСДАП) и возглавляющим ее А. Гитлером.

немецкой молодежи в своей романтической цели Юнг объясняет следующим образом: «Во времена огромных сдвигов и перемен естественно ожидать, что молодежь захватит власть, потому что только ей присуща дерзость, порыв и вкус к приключению, поскольку именно их будущее, будущее молодого поколения, поставлено на карту. Это их рискованная затея и эксперимент. Старшее поколение естественно отходит на задний план, и жизненный опыт должен бы подсказать ему [старшему поколению] подчиниться неизбежному ходу событий». Пропась между поколениями обусловлена тем, что старшее поколение не идет в ногу со временем и вместо того, чтобы предвидеть ход событий, оказывается застигнутым бурей новой эпохи [Одайник 1996: 340]. Старшее поколение всегда испытывает громадные трудности в том, чтобы ориентироваться в новом, меняющемся мире.

Национал-социализм, по мнению К. Юнга, был одним из психологических массовых феноменов, одной из тех вспышек коллективного бессознательного, которую он назвал «эпидемией безумия». Происходящее в начале и середине XX в. в Германии, по мнению Юнга, может быть объяснено только исходя из существования ненормальных состояний разума. «Стоит множеству людей образовать толпу, как возбуждается динамический потенциал коллективного человека — и на волю вырываются те чудовища и демоны, которые дремлют в любом человеке, пока он не станет частью толпы» [Одайник 1996: 323]. И далее он пишет, что «организованные на рациональных началах скопления, которые можно назвать государствами или нациями, управляют безликой с виду, но страшной силой, удержать которую не может никто и ничто. Эта дьявольская сила объясняется как страх перед соседней нацией, будто бы одержимой злобными бесами [Одайник 1996: 324]. И далее Юнг говорит о том, что на самом деле в этой ситуации люди проецируют свое собственное состояние на соседа и, соответственно, считают святым долгом обзавестись большими пушками и самыми ядовитыми газами. И хуже всего, считает К. Юнг, что они правы, поскольку все его соседи охвачены точно таким же неконтролируемым страхом¹. И в этом смысле Юнг говорит о немецкой «психопатии». Он пишет: «Я всегда придерживался того мнения, что политические массовые движения в начале и середине XX века представляют собой психические эпидемии или, иначе говоря, массовые психозы. И насколько можно судить по сопутствующим им проявлениям бесчеловечности, — все это порождения ненормальной психики. И то обстоятельство, что вся немецкая нация не пожалела своих сил на самую бесстыдную агрессивную войну в истории, нельзя оценить иначе, как несмыслимое преступление [Одайник 1996: 323].

Германия, по мнению К. Юнга, страдала от массового психоза, который неизбежно вел к преступлению. Но никакой психоз не разражается внезапно, он является результатом длительной предрасположенности, которую можно называть психопатической неполноценностью. У нации есть собственная особая психология и, соответственно, психопатология, которая состоит в накоплении большого количества ненормальных признаков и свойств, из которых наиболее удивительным представляется внушаемость, поражающая нацию в целом [Одайник 1996: 330]. Но Германия в начале и середине XX в. считалась страной высокой цивилизации, и тем не менее немецкие ужасы превзошли все доселе известное. Юнг утверждает, что в немцах есть какие-то особые глубины, чудовищным образом противоречащие их прежним высоким достижениям. Подобное явление известно в психопатологии под названием «диссоциация» (расщепление) и служит, по мнению Юнга, одним из признаков психопатической предрасположенности (от греческого — «страдание души»).

Юнг еще в 1916 г. высказывает мысль о массовых психозах накануне Первой мировой войны, противопоставляя ее американской точке зрения о войне как о войне экономик. Он пишет, что «американская “деловая” точка зрения не принимает во внимание кровь, слезы, неслыханную подлость и огромные несчастья, совершенно игнорирует тот факт, что эта война на деле представляет собой эпидемию психоза»

¹ Хорошо известно, что среди пациентов психиатрических больниц наиболее опасны не те, кем движет ярость и ненависть, а те, кто страдает от страха.

[Одайник 1996: 349]. Как эти слова современны и актуальны сейчас в XXI в.! Все повторяется циклическим образом.

К. Юнг утверждал, что немцы оказались жертвами коллективной истерии, психопатического чувства собственной неполноценности. Юнг пытается создать представление о воздействии психопатической неполноценности и анализирует, каким образом ответственные немцы, т.е. образованные классы, реагируют на печально известные факты и события после Второй мировой войны. Психолог пишет: «...не вызывает сомнения, что очень большое число немцев огорчено главным образом тем, что их страна проиграла войну. Значительная часть шокирована грубостью, несправедливостью или даже жестокостью оккупационного режима в некоторых странах; они отказываются выслушивать сообщения о гнуснейшем поведении Германии в Чехии, Польше, России, Греции, Голландии, Бельгии, Норвегии и Франции». Такая позиция, считает Юнг, действует разрушительно на того, кто ее придерживается, и «показное покаяние без всякого перехода сменяется атакующей защитой, это обесценивает покаяние и делает защиту не эффективной» [Одайник 1996: 334]. По мнению Юнга, более многочисленная прослойка немцев признает концентрационные лагеря и «плохое поведение» в Польше и других странах, но в то же время не менее гневно осуждает жестокости, совершенные англичанами во время англо-бурской войны. Они не допускают мысли, что чужой грех никоим образом не может служить оправданием их собственного, а их привычка обвинять других лишь изобличает в них полное отсутствие проницательности. И далее психолог пишет, что только «самая малочисленная часть нации — и ее лучшая часть — разделяют вину за опустошения в Мире после случившейся войны, рожденной духом преступности и произвола, не жалуясь и никого не обвиняя».

Признание коллективной вины, считает К. Юнг, это факт, который для психолога не вызывает сомнений, и одной из наиболее важных задач лечения является заставить немцев признать свою вину [Одайник 1996: 362]. Далее Юнг продолжает: «Уже сейчас многие из них обращаются ко мне с просьбой лечиться у меня. Если просьбы исходят от тех “порядочных немцев”, которые не прочь свалить вину на пару людей из гестапо, я считаю, — пишет Юнг, — случай безнадежным. Только когда пациент понимает и признает свою вину, можно применить индивидуальное лечение» [Одайник 1996: 363].

Основная роль в объяснении зарождения фашизма принадлежит З. Фрейду, который считает, что «благодаря опыту, приобретенному в первобытной орде, люди одновременно и не выносят власти над собой, и одновременно покорны ей; им хочется идентифицировать себя с властью, не выходя в то же время у нее из подчинения, им хочется любить и бояться своих правителей»; они испытывают желание, чтобы на них давили, правили ими «жестом железным», и всякое проявление доброты со стороны властей истолковывают как знак их слабости. Усвоенный человеческим родом опыт первобытной орды, являющийся причиной такого отношения к власти, в сжатом виде проявляется в каждой семье во взаимоотношениях ребенка с отцом. В. Райх вслед за З. Фрейдом доказывает, что психологическим основанием нацизма является двусмысленное отношение немецкой мелкой буржуазии к власти. Эта двусмысленность проявилась, с одной стороны, в неподдельном почтении и любви к ее представителям, и с другой — в характерном внутреннем бунте против власти и страхе и ненависти, испытываемой к ней [Одайник 1996: 178]. Эта двусмысленная установка сформировала модель поведения — раболепного повиновения вышестоящим и авторитарного угнетения нижестоящих. Таким образом, удовлетворяется желание и идентифицироваться с властью, и пресмыкаться перед ней, а заодно устраняется подавленная враждебность и агрессивность, порождаемые страхом перед властью и необходимостью подчиняться ей.

Психологи констатируют, что в рамках фашистской расовой идеологии закрепляется и абсолютизируется оргазмическая тревога человека, подчиненного авторитету или авторитарной личности. Авторитарная личностная структура является характерной, по мнению В. Райха, именно для представителей немецкого среднего класса. Эта точка зрения стала наиболее распространенным психологическим объяснением событий, происходивших в Германии в конце 20–30-х гг. XX в.

[Одайник 1996: 178]. В. Райх считает, что авторитарная структура характера развивается в патриархальной буржуазной семье вследствие подавления отцом сексуальных инстинктов детей во имя интересов морали. Фашизм, с точки зрения В. Райха, служит выражением иррациональности характерологической структуры обычного человека, первичные биологические (сексуальные) потребности которого постоянно подавлялись. На уровне нации этот процесс приводит к возникновению консерватизма или страха перед свободой, что способствует появлению реакционного мышления. В. Райх пишет, что самым общим проявлением сексуального подавления является развитие в человеке структуры характера, заставляющего его чувствовать себя слабым, бессильным, трепетать перед властями, быть послушным, скромным и «добрым». Строгая оценка каждого поступка с точки зрения морали и института семьи, посредством которого этот моральный контроль навязывается детскому сознанию, служит орудием, благодаря которому немецкое патриархально-буржуазное общество достигает своих целей и обеспечивает свое выживание. Чем беспомощней, благодаря воспитанию, становится «массовый индивид», считает В. Райх, тем отчетливее проступает его идентификация с фюрером и тем глубже детская потребность в защите прячется в чувстве его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т.е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации» [Райх].

Характеризуя фашизм как один из видов государственного режима тоталитарного типа, связанного с открытой диктатурой, целью которого является подавление прогрессивных общественных движений, В. Райх пишет, что именно «мелкая буржуазия, ставшая на сторону фашизма, была той силой, которая поддерживала либеральную демократию на другом этапе развития капитализма. Средняя буржуазия была и осталась главной опорой фашизма. Отстаивая дело национал-социализма, эта буржуазия выступила на арену политической борьбы и в период жесточайших потрясений капиталистической системы (1929–1932 гг.) задержала революционное переустройство общества. Политическая реакция дала абсолютно верную оценку значения среднего класса. В листовке немецкой национальной партии от 8 апреля 1932 года мы читаем: “Средний класс имеет решающее значение для существования государства”» [Райх]. Включившись в фашистское движение, средний класс проявился в качестве социальной силы. Поэтому проблема заключается не в реакционных целях Гитлера или Геринга, а в социальных интересах различных групп среднего класса. Благодаря своей характерологической структуре средний класс начинает играть в это время в Германии социальную роль, которая значительно превосходит его экономическое значение. Социальное положение среднего класса обуславливается: 1) его положением в капиталистическом производственном процессе, 2) его положением в аппарате авторитарного государства и 3) его особым семейным положением, которое непосредственно определяется его положением в производственном процессе и служит ключом к пониманию его идеологии. В. Райх пишет, что превращение фашизма в массовое движение и захват власти (с последующим выполнением своей империалистической задачи) следует отнести за счет полной поддержки его со стороны среднего класса.

«Человек – единственный представитель приматов, который без биологических и экономических причин может мучить и убивать своих соплеменников и, более того, находить в этом удовольствие», – пишет Э. Фромм [Фромм 1994]. Психолог в связи с этим обращается к проблеме изучения спонтанности садизма эзэсовских надзирателей (к поведению, которое выходит за рамки инструкций и мотивировано личным садистским наслаждением) и классифицирует надзирателей по этой самой «степени садизма». Он приходит к выводу, что процент садистски настроенных надзирателей в концентрационных лагерях в 1941–45 гг., применяющих изощренные методы унижения заключенных, составлял больше одной трети [Фромм 1994]. Всех остальных можно было поделить на две группы. Одну группу представляли строгие, но честные надзиратели; а вторую – «хорошие надзиратели», с точки зрения заключенных, поскольку они были доброжелательны, не отказывали в мелких услугах [Фромм 1994]. Узников концентрационных лагерей Э. Фромм также разделил на три поведенче-

ские группы: во-первых, аполитичные заключенные из среднего класса; во-вторых, политические заключенные и, в-третьих, религиозные заключенные. Сравнивая поведение этих трех групп в условиях жизни лагеря, он делает выводы, что «ценностные представления и убеждения решающим образом определяют различные реакции заключенных на совершенно идентичные условия жизни в лагере» [Фромм 1994]. Из всех представленных групп заключенных неполитические заключенные из среднего класса были менее всех остальных в состоянии выдержать первое шок-овое потрясение, пишет Э. Фромм, и в связи с этим они сильнее всех цеплялись за все то, что раньше было важно для их самоуважения (признание со стороны окружающих и уважение к их социальному статусу, а также право отдавать приказы). Их самосознание покоилось на уверенности в своем социальном статусе, на престижности профессии, надежности семьи и государства. Поэтому их больше всего убивало, что с ними обращаются, как с «простыми преступниками». И поскольку эти люди были действительно чисты перед законом, они принимали все слова и действия тиранов как совершенно законные и возражали только против того, что они сами стали жертвами, а преследования других они считали вполне справедливыми [Фромм 1994]. Поведение этих людей показало, насколько неспособно было среднее сословие немцев противопоставить себя национал-социализму. У них не было никаких идейных принципов (ни нравственных, ни политических, ни социальных), чтобы хотя бы внутренне сопротивляться этой машине. Э. Фромм пишет, что после ареста все эти люди утратили важные для своего класса ценности и типичные черты, такие как самоуважение, понимание того, что «прилично», а что нет. Эти неполитические заключенные не могли оценить ситуацию, они не могли понять, за что они оказались в концентрационном лагере, в правоверном сознании уместается лишь одна мысль: только «преступники» заслуживают наказания, а они не являлись таковыми. Это приводило их к душевному надлому, к полному смятению и беспомощности. Вдруг стали вылезать наружу все отрицательные черты: мелочность, скло-ность, самовлюбленность. Они утратили способность жить по своему собственному образцу и старались ориентироваться на заключенных из других групп. Некоторые стали подражать уголовникам, некоторые – политическим заключенным, которые, как правило, вели себя наиболее пристойно, некоторые пытались приспособиться к заключенным из высшего сословия. Но больше всего было тех, кто рабски подчинялся власти СС (тиранов).

Политические и религиозные заключенные реагировали на эти события совершенно иначе. Политические заключенные были психологически готовы к своему аресту. Они были озабочены тем, что их ждет, и, конечно, судьбой своих близких, но они не чувствовали себя униженными, хотя, как и другие, страдали от ужасных условий лагеря.

Религиозные заключенные оказались в лагере за отказ служить в армии. Они держались еще более стойко, чем политические заключенные. Благодаря сильным религиозным убеждениям они не утратили своей личности. Они были хорошими товарищами, надежными, воспитанными и всегда готовыми прийти на помощь. Они никогда никого не оскорбляли, почти не вступали в споры и ссоры и были примерными работниками [Фромм 1994].

Одной из причин проведения эксперимента С. Милграма было желание понять, как немецкий народ во время Второй мировой войны мог проявлять такую ужасающую жестокость, проводя геноцид и истребляя миллионы людей в лагерях [Милграм 2000]. Суть эксперимента С. Милграма была в том, чтобы выявить, как обычные люди могут причинять страдания другим людям, подчиняясь авторитетному лицу под предлогом отказа от ответственности в пользу отдающего приказания.

В своем эксперименте С. Милграм пытался прояснить вопрос: сколько страданий готовы причинить обыкновенные люди другим, совершенно невинным людям, если подобное причинение боли входит в их рабочие обязанности? В нем была продемонстрирована неспособность испытуемых открыто противостоять «начальнику» (в данном случае – исследователю, одетому в лабораторный халат), который приказывал им выполнять задание, несмотря на сильные страдания, причиняемые другому участнику эксперимента (в реальности – подсадному актеру).

Результаты эксперимента показали, что необходимость повиновения авторитетам укоренена в нашем сознании настолько глубоко, что испытуемые продолжали выполнять указания, несмотря на моральные страдания и сильный внутренний конфликт.

В одной серии опытов основного варианта эксперимента 26 испытуемых из 40, вместо того чтобы сжалиться над жертвой, продолжали увеличивать напряжение (до 450 В) до тех пор, пока исследователь не отдавал распоряжение закончить эксперимент [Милграм 2000].

Лишь пятеро испытуемых (12,5%) остановились на напряжении в 300 В, когда у жертвы проявились первые признаки недовольства (стук в стену) и ответы перестали поступать. Еще четверо (10%) остановились на напряжении 315 В, когда жертва второй раз стучала в стену, не давая ответа. Двое (5%) отказались продолжать на уровне 330 В, когда от жертвы перестали поступать как ответы, так и стуки. По одному человеку остановились на трех следующих уровнях (345, 360 и 375 В). Оставшиеся 26 из 40 дошли до конца шкалы.

Таким образом, К. Юнг, З. Фрейд, В. Райх, Э. Фромм, С. Милграм описывают феномен фашизма как «национал-созидательную» и вместе с тем разрушительную силу. Психологи делают акцент на нескольких основных факторах формирования фашизма:

- 1) на «молодости» немецкой нации в историческом времени;
- 2) молодое поколение определяется как основной субъект формирования фашизма в Германии в начале XX в.;
- 3) фашизм характеризуется как «вспышка коллективного бессознательного», как результат «коллективного безумия»;
- 4) мелкая буржуазия характеризуется как движущая сила фашистской идеологии;
- 5) авторитарная личность является основополагающей при оправдании методов фашизма;
- 6) делается вывод, что характеристики авторитарной личности как субъекта фашизма при определенных ситуациях в обществе могут быть сформированы во всех человеческих нациях.

Список литературы

- Милграм С. 2000. *Эксперимент в социальной психологии*. СПб.: Питер. 336 с.
- Одайник В. 1996. *Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга*. М.: Ювента. 382 с.
- Райх В. *Психология масс и фашизм*. Доступ: http://teneta.rinet.ru/rus/ve/vilgelmreih_psyandfascism.htm (проверено 28.02.2015).
- Фромм Э. 1994. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика. 447 с.

SITNOVA Irina Anatolievna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Social, Psychological and Legal Communications, Moscow State University of Civil Engineering (Jaroslavskoe shosse, 26, Moscow, Russia, 129337; sitnova.irina@gmail.com)

HERITAGE OF FASCISM: WESTERN PSYCHOLOGICAL DISCOURSE OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article analyzes the post-war views of C. Jung, S. Freud, V. Rayh, E. Fromm, and S. Milgram on fascism as a psychological phenomenon. The author argues that psychologists describe fascism as a «flash of the collective unconscious», as a result of «collective madness».

Keywords: mass hysteria, collective unconscious